

PSYCHOLOGY

Arpentieva M.R.

INTERSUBJECTIVE TECHNOLOGY IN MANAGEMENT ONTOLOGY

Arpentieva M.R., Russian Federation, professor of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, grand doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted the analysis of modern ontologies as the systems of ideologies and theories of governance, their views on the place of multi-agent technology in the development of society. Discuss the role of evergetics and intersubjective management technologies to improve the theory and practice of managing it's development, harmonization of society and the state relations. Examines and compares evergetical strategies of the management, realizing their mono-agent and multi-agent technologies, their possibilities and limitations. The article reveals the challenges of implementing crowdcracy and its technological supports - crowd-technologies comparison of capabilities and limitations of the ideology of crowdcracy and publicity and ideology of lowerarchy and social service to optimize the processes of decision making current and future decisions in organizations and communities. Costs shown classic, mono-agent management technologies, as well as a modern, multi-agent technologies: the development of the theory of transparency and of society as a panopticon, demonstrating the social - and personality-distorting potential of crowd-technology that allows total control of the population and turns people into slaves, destroying social and human capital. It considers Lowerarchy and social service, as well as implement them evergetical, multi-agent, intersubjective technologies management of community. This technologies enables to create a state-church and to strengthen the personal development of citizens, to develop and accumulate social and human capital.

Keywords: management ontologies management, technology, ideology, crowdcracy, crowd-technology, evergetica, multi-agent technology, evergetical strategy, social service.

Введение. В современной науке и практике существует несколько онтологий управления как систем идеологий, теорий и реализующих их технологий управления. Онтология включает «конвенции относительно факта, требующего объяснения». Она важна для того, чтобы проводить ревизию классических и проверку новых теорий и практик управления, а также создавать новые онтологии [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Современные сообщества, остро ощущая, что государственные и общественные структуры разделены и не сотрудничают, обращают взгляд на поиск альтернативных привычным, классическим, моноакторным технологиям и идеологиям управления, а также демократическим «псевдомультякторным» технологиям и идеологиям управления [11;12; 13]. Псевдодемократические процессы, активно протекающие повсеместно, где есть то, то называют «цивилизация», показывают, что в превозносимом цивилизацией понятии «демократия» существуют большие изъяны, что тот образ демократии как идеологической и технологической основы ее «мультякторности», который сложился в головах теоретиков, на практике невозможен: все попытки ее «исправления» приведут, как и предшествовавшие им, к закономерному и единственному итогу - власти бюрократии и, соответственно, тех, кого она представляет: криптократию, наделенную политической и иной властью. Среди современных альтернатив лидирует идеология толпократии («власти толп») и претендующие на статус мультякторных крауд-технологии – технологии участия «толп» как «социальных партнеров» в принятии актуальных и перспективных решений. Реже, но все же отмечается значимость привлечения граждан и иных структур и сообществ, в том числе путем создания государственных структур и законодательства, к деятельности социального служения, переходу к intersубъективному управлению и intersубъективным технологиям, рассматриваемым в эвергетике и ряде иных подходов [14; 15; 16; 17 и др.].

Сущность мультякторных технологий можно описать на языке традиционной кибернетики по аналогии с мультягентными технологиями. Терминология мультягентных систем используется в технологиях программирования, поддерживающих процессы управления. Агентами называются программы, которые выполняют те или иные действия в условиях неопределенности, согласуя свои действия с другими агентами- программами. Терминология и сущность мультягентных

систем (да и технологии) в целом весьма близки терминологии интерсубъективного управления, поэтому мультиагентные технологии могут также использоваться в качестве информационной поддержки принятия решений при интерсубъективном управлении. Интерсубъективные технологии управления также можно рассматривать как программу действий или совокупность способов коммуникативных действий по достижению консенсуса. Люди и группы людей также могут быть рассмотрены как программы, однако, в отличие от программ, внедрение и работа интерсубъективных и иных мультиакторных технологий связано со многими трудностями, прежде всего идеологического порядка.

Многоакторные или мультиакторные системы могут быть успешно использованы для решения проблем, которые сложно или невозможно решить с помощью одного агента или «монокристаллической системы»: моделирование и управление социальными структурами [12; 13] и видами отношений государства и общества: репрессивно-карательной автократии, демократии и толпократии, социального партнерства и служения и т.д. Поскольку, однако, специальной разработкой ценностно-смысловых и нравственных различий понятий «социальное служение», «лоурархия» (lowerarchy) и «гласность», «власть толпы» и т.д. в сопоставлении с конкретными технологиями управления не так много ни в среде практиков, ни в среде теоретиков, не производится, и, кроме того, ни государством, ни обществом развернуто не обсуждаются, то в очередной раз возникает продукт под названием «хотели как лучше, а получилось как всегда». Кроме того, несмотря на то, что в сфере социальной и экономической политики государств и бизнеса, особенно в развитии периферийных территорий, происходят изменения, связанные с переосмыслением роли человеческого и социального капитала, важности социального партнерства государства и общества, «центра» и периферии, предпринимателей и потребителей, профессионалов и непрофессионалов, социального служения и добровольчества, - в своей основе управление государствами «цивилизованных» стран продолжает, симулируя изменения и «демократию», оставаться репрессивно-контролирующим [8]. Более того, современные моноакторные автократические или «монокристаллические» управления ищут пути, которые могут дать им еще больше власти: последние видятся необходимыми перед лицом нарастающих сопротивлений и конфликтов власти и общества, бизнеса и власти, общества и бизнеса и т.д. на этих путях социальный и человеческий капитал ценится лишь постольку, поскольку речь идет о самой структуре

управления: управляемые в разряд «капитала» не включаются или, если включаются, то так, чтобы включение в процесс управления работало «против них». Такова толпократия с ее идеями гласности и крауд-технологиями [19; 20].

Общие понятия и подходы к изучению управления развитием сообществ. Современные государства демонстрируют нежелание менять свое отношение – идеологию и технологии – к управлению. Об этом свидетельствуют продолжающаяся либерализация отношения к предпринимательству, государственным органам и общественным структурам, нарушающим нравственные нормы и права людей, огромное социально-экономическое и политическое неравенство граждан центральных и периферийных территориальных объединений, а также «игры» современного профессионального «рынка» и проблемы прекаризации профессионального труда. Об этом говорят и деформации профессиональной и человеческой культуры на фоне откровенной симуляции заботы государства о гражданах и граждан и государстве, использование социальных профессий как «клапанов» кризисного взаимодействия государства и гражданского общества. Об этом свидетельствуют и все усиливающийся на фоне «реформ» и «борьбы с коррупцией» деформации образовательной, правоохранительной и здравоохранительной систем, обостряющиеся год от года проблемы менеджериализма и «новой автономии», принуждающих людей и организации выбирать между «свободой» ненужности и свободой самоопределения. Об этом говорят и массовая депрофессионализация и проблемы «утечки кадров», никем не решаемые проблемы высокой смертности населения и преступности представителей власти в государственном и межгосударственном масштабах. Государства продолжают привычные попытки скрыть за псевдодемократическими технологиями суть происходящего: наращивание репрессивно-контролирующего аппарата и игнорирование взрывоопасного роста насилия в отношениях общественных, производственных и государственных структур, игнорирование фашизма и иных нравственных и конституционных беззаконий, творящихся представителями власти.

Одна из причин – устоявшееся в веках и сформированное к началу XX века в виде «неоспоримой» истины классическое представление об однородности, гомогенности общества как функционирующего по определенным, раз и навсегда заданным правилам. Эти правила и теории, описывающие их, практически не учитывают «наложения» и взаимодействия вертикальных и горизонтальных коммуникаций, особенностей их ценностно-целевого и смыслового содержания в

организациях и общностях разных типов и уровней развития (например, традиционных и инновационных, ориентированных на воспроизводство, репродукцию и на творчество и сотворчество) Общество рассматривается как относительно простой феномен, моноакторные теории управления представляют людей обезличенными. Как пишет Р.°Акофф, «Человек вообще» (a man) допускает взгляд на него «со стороны», в том числе - со стороны общества или государства, со стороны менеджера как «хозяина положения», который редуцирует социальные связи, организационные мосты и даже семейные «узы» к предписанным им (субъектом) устойчивым правилам, опирающимся на соответствующие идеологии (например, иерархическим, отчужденным, ролевым отношениям между «начальниками» и «подчинёнными») [21; 22; 23]. С точки зрения гомогенной модели общества человек — «винтик», «раб», функция коллективного производства. Само общество и организация состоят в отношениях «потребления», компрадорства, обратные связи между ними сведены к функционально необходимому минимуму. Обосновывая моноакторность управления, практики и теоретики классицизма противопоставляют «мудрость» и рациональность правителей «безумию» и простоте толп. Говоря о «веке толп», исследователи XX века подчеркивали факты того, то сознание и развитие человека в толпе тормозятся или даже становятся невозможными. Кроме того, в региональном и государственном моноакторном управлении обычно не находилась возможности использовать знания и умения огромного количества людей, считалось невозможным и ненужным учитывать мнения всех, кто не смог попасть на встречи или «достучаться» до лиц, принимающих решения. А значит, решение так или иначе «приходилось» принимать «самим». С другой стороны, «толпу» нельзя было оставлять «одну»: поэтому придумывались и внедрялись технологии управления, не позволяющие «толпе» бунтовать и, в том числе, свергать контролирующую ее власть. Для этого использовались не столько ресурсы контролирующего аппарата, хотя и они впечатляют темпами ежегодного и повсеместного роста, но и ресурсы самих толп (массовая «гласность» и декларируемое отсутствие запретов, массовое психологическое программирование или «зомбирование», а также массовое доносительство и поддержка параноидальной атмосферы в обществе). Однако, сейчас, в век, когда фрагментация и «лоскутность» индивидуального сознания достигла максимума, а век классической рациональности сменился «магическим сознанием» эпохи постмодерна, исследователи все чаще пишут о самоорганизации толпы, ее возможностях, а также возможностях свободного труда, его «прекаризации». Отмечают, что профессионалы и

даже непрофессионалы как члены якобы «умной толпы», могут участвовать в решении проблем самого разного уровня и типа, самоорганизовываясь и «самораспускаясь» в зависимости от необходимости и степени включенности и компетентности в обсуждаемом вопросе. Этот оптимизм разделить сложно [19; 20; 24]. Практика «демократических выборов» отчетливо демонстрирует насколько формальным является «привлечение масс» к принятию решений: фальсификации результатов голосований стали не просто вариантом, а единственной формой их проведения. Ученые и практики нередко идут на поводу таких «выборов», поскольку, как они видят, сообществ и людей, способных, в том числе в силу наличия реального опыта, строить отношения служения и участвовать в управлении очень мало. Они изучают достоинства «толпокрации» и «крауд-технологий», уповая на «самоорганизацию» и саморегуляцию «свободного рынка» труда, товаров и услуг, работодателей и т.д. . Но иллюзия «самоорганизации» не срабатывает: пока основой жизни человека и группы остается идеология социального превосходства и потребления, накопительства и власти, человек и группа будут трансформировать любые, самые «лучшие» технологии, опираясь на привычные представления о решении проблем. Будут выбираться и внедряться технологии, позволяющие имитировать «заботу о ближнем», реализуя все тот же – «гангстерский» стиль жизнедеятельности [25]. Именно потому выбор современной «монолитной системы» пал на крауд-технологии и идеи «гласности»: интересно наблюдать, как такие технологии активно и не случайно в первую очередь внедряются в тюрьмах, школах и больницах, - традиционных местах ужесточенного бюрократического контроля. Наблюдение показывает, что бюрократия, привыкшая манипулировать общественностью, склонна выбирать технологии лишь внешне похожие на технологии социального служения (партнерства и взаимопомощи) [18; 19; 26; 27; 28].

В современных, феноменологических, эвергетических моделях управления, названных «кибернетикой третьего-четвертого порядка» развивается поэтому иной подход. Он исходит из того, что реальное участие множества людей в принятии решений, формировании, накоплении и использовании знаний и умений относительно той или иной сферы управления, связанные с этим активизация и накопление социального и человеческого капиталов на основе внедрения идеологии социального служения, ее принципов партнерства и взаимопомощи, возможны. Они также позволяют решить проблему «малочисленности» граждан и структур, способных выступить в качестве выступить в

качестве субъектов (акторов) в мультиакторных или интересубъективных технологиях управления.

Эвергетика как наука об интересубъективном управлении выступает сейчас как основа разработки интересубъективных технологий управления. Для их внедрения и развития, однако, нужно людей научить и людей воспитать. В обществе и государстве есть ресурсы изменений, есть технологические каналы их «безопасного» осуществления. Более того, идеи и практики социального служения и ответственности, социального партнёрства и взаимопомощи являются, в различных формах, в цивилизованном и «доцивилизованном» мире не менее традиционными, хотя и находящимися сейчас на задворках «большого бизнеса», «большой политики» и т.д.. Поэтому идеи «малых политик», «малого бизнеса» и, тем более, идея и жизнь «маленького человек», идея лоурархии как управления снизу вверх, идеи взаимодействия на основе дарообмена и интересубъективного управления, лишь периодически всплывают на поверхность, тут же подавляемые «монолитной системой» мировой бюрократии [21]. Поэтому к сожалению, идеи лоурархии не развиваются «на пустом месте»: для стран, вовлечённых войны и рабство, лоурархия не типична. Люди в эти сообщества в массе своей лишены потребности и способности отвечать за свою жизнь и принимать самостоятельные решения: свобода кажется пугающей и разрушительной, сами люди – некомпетентными и живущими лишь ради собственной выгоды. Эта позиция ответственна за формирование компрадорской буржуазии и неорабовладельческих сообществ и структур в цивилизации XXI века: ряд стран и граждан этих стран открыто использует данные ориентации в своей жизнедеятельности. Примеры таких структур: постоянно угрожающие и воюющие с другими странами и держащие добрую половину граждан своей страны в концлагерях США, современная Россия конца XX – начала XXI веков, с восторгом пропускающая своих граждан через бесконечный конвейер нищеты и тюрем, современные Украина, Молдова с их неонацистскими режимами: руководство этих стран открыто грабит, духовно-психологически и материально-физически истребляет население и сами страны ради сиюминутного собственного обогащения и наслаждения властью [29]. Высокоразвитый Израиль, который в порыве духовного превосходства никак не может остановить пропаганду того самого национализма, от которого он так пострадал и т.д.. Напротив, сообщества и страны, где ценится свобода и ответственность, где люди свободно и с любовью служат друг другу и своей стране, обычно не развязывают войн и не вступают в отношения перепродажи и «освоения»-мародерства, самостоятельно решают

внутренние вопросы, управляя своей жизнью и жизнью страны таким образом, чтобы это отвечало интересам страны: укреплению ее духовного и материального потенциала, наращиванию человеческого и социального капитала, давало возможность их дальнейшего развития. Таким стран сейчас мало, но они есть. Кроме того, в современном мире есть люди, которые учатся и умеют сотрудничать, распределять нагрузку и вознаграждение, ценить себя и окружающих. Однако, их может стать больше, ведь у каждого человека существует задача – выжить, она, кроме прочего, требует вступать во взаимоотношения друг с другом, сотрудничества и взаимопомощи. Это касается также и сообществ, в которых идеи социального служения почти полностью подавлены: как показывают теория и практика социально-экономического и культурно-политического развития, игнорирование и использование привычных, моноакторных (моносубъективных) технологий управления возможно лишь ограниченный период времени. После него начинается социальный коллапс и уже принудительный переход к иным, интересубъективным, отношениям [30].

Кризис управления, с которым столкнулась цивилизация, носит системный характер, поэтому эвергетическая модель управления столь актуальна. Разработка технологий привлечения граждан к процессам принятия решений в управлении территориями — важная составная часть процесса усиления социальной направленности современных территорий и государств. Особенно она важна с точки зрения соблюдения принципа социальной справедливости, особенно значимой на периферии, где возможностей самореализации и выбора у людей и сообществ намного меньше, чем в центре страны. Применение технологий участия граждан в управлении позволяет уйти, с одной стороны, от спонтанности (хаотичности) их взаимодействия с органами власти и управления, а, с другой, избежать жестких, административных решений и выводят процесс согласования интересов на новый уровень, который характеризуется рационализацией отношений и конструктивностью взаимодействия.

Мультиакторные или интересубъективные технологии можно описать на языке традиционной кибернетики по аналогии с мультиагентными технологиями. Среди современных исследований управления много работ выполнено в контексте кибернетики. Кибернетика определяется как «искусство управления» – наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в различных системах. Ученые отмечают возникновение и развитие кибернетик как онтологий управления третьего-четвертого порядка: «Кибернетика третьего порядка могла бы сформироваться на основе

тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам». При этом управление плавно трансформировалось бы в широкий спектр процессов обеспечения саморазвития систем: социального контроля, стимулирования, поддержки, модерирования, организации, «сборки и разборки» субъектов и др.» [34, с. 77-93]. Д.А. Новиков пишет, что эвергетика В.А. Виттиха – «...ценностно-ориентированная наука о процессах управления в обществе, объектом которой является ситуация, осознаваемая как проблемная группой неоднородных акторов, имеющих различные точки зрения, интересы и ценностные предпочтения» [15, с.23], - «...эвергетика может быть определена как кибернетика третьего порядка для взаимодействующих субъектов управления. ...в повседневной жизни общества процессы управления будут реализовываться «танемом» обыденных и профессиональных управленцев-теоретиков: первые, находясь в конкретной проблемной ситуации в повседневности, приобретают конвенциональные (по А. Пуанкаре) знания о ситуации и определяют направления её урегулирования, а вторые создают методы и средства, необходимые для осуществления их деятельности. Включение в процессы управления в обществе «простых» людей из повседневности - важная тенденция в развитии науки об управлении». Концептуальные кибернетики третьего и четвертого порядков разрабатывают и другие ученые, фиксирующие интересубъектность и интересубъективность управления [31; 33; 33; 34; 35; др.].

Мультиакторные, так же как и мультиагентные технологии характеризуются рядом черт: для них типична автономность управляющих (агенты, хотя бы частично, независимы), субъективная или объективная ограниченность представлений каждого из агентов (ни у одного из агентов нет полного представления о системе и/или система слишком сложна, чтобы знание о ней могло быть прямо применено агентом); децентрализация (отсутствие агентов, управляющих всей системой) [11; 12].

В мультиагентных системах управления также часто проявляется феномены самоорганизации, усложнение поведения даже в том случае, когда стратегия поведения каждого агента отличается простотой. Это лежит в основе так называемого «роевого интеллекта» (swarm intelligence) как технологии оптимизации управления [36].

В мультиакторных системах управления возникает иной эффект: его описывает модель диалога: в процессе свободного, неконтролируемого извне диалога, направленного на решение конкретной задачи, люди приходят к решениям, знаниям и умениям, более полным и глубоким, чем в случае направляемого извне или монологического принятия решений

[37; 38]. Матрица объединения индивидуальных усилий диалога или полилога имеет встроенный механизм «рассекречивания» и раскрытия тайн людей и мира: в ее структуре не предусмотрено место для «хранителя тайн» и «тайников». Любой человек может и должен открыть (передать) необходимую для решения задачи информацию (знания и умения) любому из членов группы, а многочисленные «непродуктивные» и внешне хаотические контакты помогают скоординировать группу. Поэтому в монологической, централизованной сети информация «стекается» к центру, где свершается «таинство» решения, при котором решение принимает субъект, чьи способности, знания и умения далеко не всегда соответствуют уровню сложности и типу задачи [33]. Поэтому полилогические или мультиакторные, полностью децентрализованные сети практически всегда превосходят в скорости и качестве решений монологические.

В эвергетике идеи социальной сложности раскрывают возможность рассмотрения общества как системы, основанной на принципах многостороннего и многоуровневого социального партнерства. В этой системе социальные связи, организационные мосты и семейные узы людей – компоненты социального и человеческого капитала, которые могут отличаться по своему качеству, но в целом служат развитию людей, организаций, общества. Общество как сложная, гетерогенная развивающаяся система, каждый человек – с его субъективными представлениями о мире (the man) – осмысляет себя в диалоге с другими. Общество – «калейдоскоп ситуаций», требующих нестандартных, intersubjectивных решений на всех уровнях своего бытия: как только решение стандартизируется и, естественно, не перепроверяется, не ищутся иные решения, – возникает опасность ошибок. Intersubjectивность сознания и жизнедеятельности побуждает людей взаимодействовать и совместно искать выход из сложившейся ситуации, создавая некую «интеграционную платформу», необходимую и достаточную для самостоятельного принятия решений: никаких «над» структур и никакого дополнительного руководства и «компьютерной обработки данных», традиционно столь лихо фальсифицируемой современными бюрократами, не требуется. Лоурархия (lowerarchy) как принцип управления, при котором «нижестоящие» элементы – источники ресурсов и, в том числе, власти для «вышестоящих», есть опора отношений социального партнерства и взаимопомощи, основанная на идеологии социального служения. Она дает возможность сохранять гибкость и выживаемость обществу и организации и требует разработки

технологий практического участия людей в принятии решений, управлении страной [21; 39; 40; 41].

Т.о., организация перестает игнорировать общество, но, напротив, включает его в свою жизнедеятельность как партнера: начиная с типичного для классической модели этапа «потребления» продукта до принятия участия в разработке самой идеи продукта. В крауд-технологиях предпринята попытка совместить моноакторность и мультиакторность. Однако, поскольку решение принимает все же «центральный», одиночный агент или монолитная система, постольку крауд-технологии могут быть отнесены к квазимультякторным, псевдоинтерсубъективным. Поэтому, крауд-технологии могут быть как дополнительные привлечены в контексте лоурархии. Они продуктивны, поскольку предполагают включение потребителей / граждан («толпы») в разработку и производство потребляемых обществом / организацией продуктов и услуг. Например, краудфорсайт как технология предвидения и сценарного планирования развития сообществ, использующая знания множества людей (вплоть до всех активных жителей региона, страны), очень важна – именно для развития периферийных регионов. Однако, они не могут быть единственными ведущими. Помимо крауд-технологий, большое значение имеют мультиакторные интерсубъективне (эвергетические) технологии, создание и внедрение которых – одна из задач эвергетики как науки об интерсубъективном управлении. В подлинно интерсубъективных технологиях в которых решение принимает не «толпа», а контактная группа связанных с проблемой лиц, прямо и косвенно заинтересованных в ее решении и последствиях решения.

Значимость энергетики связана с тем, что ею предложена новая онтология управления, а на основе теории интерсубъективного управления могут быть разработаны конкретные интерсубъективные технологии управления, а также дана новая оценка традиционным и создаваемым вновь иным технологиям. Эвергетика опирается на достижения теории управления XX века, которые связаны с неклассической рациональностью, отмечающей роль субъективных факторов правления и производства: все модели управления, созданные в этот период, обращают внимание на субъективность и даже субъектность управления и производства. В XXI веке, так называемая «постнеклассическая рациональность» учитывает «соотнесённость получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно–целевыми структурами». Рождается эвергетика как теория и практика интерсубъективного управления. Управляющий как «человек культуры» управляет в диалоге с другим «человеком культуры». Управление -

сотворчество культуры и, в том числе, сотворчество идеологии. Этим эвергетика отличается от классической модели вынужденного работать на общество «экономического человека» [42]. Эвергетика как наука об организации процессов управления в развивающемся обществе предлагает intersубъективные технологии управления. Она исходит из того, что каждый человек и каждая группа этого общества заинтересованы в преумножении культурного наследия, социального и человеческого капитала, включая увеличение доли управленческих решений, направленных на благо с помощью благих действий: опирающихся на идеологию социального служения, взаимопомощи и партнерства, а также долю решений, принятых коллективно, в том числе с помощью крауд-технологий и intersубъективных технологий.

Эвергетические стратегии и intersубъективные технологии управления. Лоурархия требует применения специальных гуманитарных технологий, направленных на активизацию и привлечение граждан к участию деятельности производственных организаций, предпринимательства, позволяет уйти, с одной стороны, от спонтанности (хаотичности) их взаимодействия с органами управления, бизнес-структурами и общественными организациями, а, с другой, избежать жестких, некорректных и малопродуктивных решений и выводят процесс согласования интересов на новый уровень, который характеризуется рационализацией отношений и конструктивностью взаимодействия. В рамках современного общества идеи лоурархии и социального служения только пробивают себе дорогу. Люди взаимодействуют на основе самых разных принципов, в том числе: 1) взаимного дарообмена (реципрокность как взаимное дарение – способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении в группах равных, «горизонтального» типа); 2) централизованного перераспределения (отчужденной редистрибуции как неэквивалентного, вертикального продуктообмена в виде изъятия и перераспределения продукции центральной властью); 3) рынка (аномичного, отчужденного от нравственных основ жизни, обмена, включающего акт купли-продажи.) [43; 44]. При этом редистрибуция как одна из форм уравнительного распределения нередко вырождается в прямую эксплуатацию. Рыночные отношения, которые предполагают более или менее взаимную калькуляцию выгод и издержек, также разрушают человеческие отношения и признаки культуры, нравственность. Рынок со временем ведет к дестабилизации общества и более или менее явно выраженному централизованному перераспределению власти бюрократией и криптократией («теневым правительством», олигархами). Обмен дарами осуществляется свободно,

без гарантий и требований возмещения затрат, без привязанности к постоянной «оптимизации», «коммерциализации» и «эффективности». Центральными аспектами становится капитал человеческий и капитал социальный капитал, остальные виды играют роль второстепенных. Он также может стать асимметричным, вырождаясь в редистрибуцию или потребительство, однако, этому противостоит система нравственных и иных ценностей обменивающихся. Иначе, как показывают исследования технологических укладов, цивилизация обречена на разрушение, коллапс.

Т.о., гомогенная модель общества изначально служит превращению людей в «однородную массу», это - стратегия псевдоуправления, опирающаяся на каноны и идеалы классического рационализма. Истинно гетерогенное представление об обществе, обращенное на конкретных индивидов и групп, являющихся одновременно и субъектами, и объектами управления, учитывает их ценностно-смысловые ориентиры и в процессах принятия решений об урегулировании и развитии проблемной ситуации (Таблица 1) [43].

Таблица 1 - Модели общества, эвергетические стратегии и технологии управления

	Классическая, рационалистическая модель общества	Неклассическая модель (развития) общества	Постнеклассическая модель (развития) общества
Тип управления	Антиуправление, псевдоценности псевдотехнологии управления, достижение собственных целей за счет организации (общества)	Рамочное или делегирующее управление «по ситуации», псевдоуправление, отказ от управления, технологии, замещающие управление	Партисипативное, «управление по целям» ценностно-целевое, сотрудничество и взаимопомощь в развитии как ведущая технология управления
Технологии	Моноакторные, классические	Моноакторные и псевдоинтерсубъективные, крауд—технологии (кзимультиагентные)	Интерсубъективные (мультиакторные) и псевдоинтерсубъективные

Набор современных и традиционных идеологий и обслуживающих их научных и практических дискурсов управления и социального развития в целом сводятся к выбору между тремя основными возможностями.

1. Идеология социального служения и концепции эвергетики рассматривают именно процессы управления, описывают подлинно эвергетические его стратегии, предполагающие реализацию интерсубъективных технологий управления.

2. Псевдоэвергетические стратегии и модели управления и идеология социальной аномии и «рыночные» модели управления,

обращенные к классическим моноакторным и новым, квазимультиакторным технологиям управления.

3. Антиэнергетическая и, по сути, антиуправленческая стратегия – социальный каннибализм, отражает традиционные модели управления типа «хозяин» – «раб», реализуемая с помощью технологий моноакторного управления.

По мнению сторонников крауд-технологий, стратегия модернизации должна уже на стадии ее разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон. Крауд-технологии предполагают включение и учет интересов всех слоев общества в его развитие. Однако, надежды на крайд-технологии во многом чрезмерно оптимистичны: они лишь позволяют имитировать вовлечение людей в управление.. Основная проблема крауд-технологий с точки зрения их осуществления и обработки результатов состоит в большом количестве участников, разнообразии их мнений по конкретным вопросам и, главное, в огромном количестве комбинаций этих мнений, каждая из которых дает свой вариант решения проблем. На уровне небольших, периферийных регионов и небольших организаций эта проблема выражена гораздо меньше. Основная проблема с точки зрения идеологии состоит в том, что участие общества в делах государства воспринимается как помеха спокойному потреблению и благополучию «власть имущих». Предприниматели, ориентированные на немедленные прибыли и сверхприбыли, истощают себя и тех, кого потребляют, препятствуя развитию новых, продуктивных отношений в обществе. Видя, что «все воруют», человеку трудно удержаться от того, чтобы не начать воспринимать воровство и обман, а также поддерживающее их насилие государства и бизнеса, как «норму». Социальному служению при этом места не остается. Более того, сторонники мальтузианской модели постепенно «опускают планку» требований в сфере социальных отношений, социальной защиты, все ниже: по мере своих потребностей эти представители власти все чаще обращаются к наемному труду по принципам аутсорсинга (передачи неключевых функций организации внешним исполнителям). Таким образом, аутсорсинг входит в привычную жизнь страны как факт, за которым следует разрушение законодательно закрепленных социальных гарантий защиты трудящихся. Альтернативой на какое-то время стал краудсорсинг как решение общественно значимых задач силами скоординированных добровольцев. Он рассчитан на помощь организациям со стороны потребителей. Краудсорсинг используется, например, в брендинге и ребрендинге (создании и трансформации бренда) периферийных территорий, их переориентации с целью развития и

реализации потенциалов. Однако, итог этих и иных псевдоинноваций заёмного труда, включая лизинг персонала, - прекаризация (трудовые и социальные отношения, которые могут быть расторгнуты в любое время). Дерегуляция отношений и превращение ранее гарантированных трудовых отношений в существенно негарантированные и незащищённые, давая внешнюю свободу, отнимает надежду на целый ряд социальных и иных гарантий, снижая социальную защищенность. Прекариат рождает тревогу из-за неопределенности жизни, отчуждение из-за необходимости заниматься не тем, чем хочется, а также вызывает агрессию и затрудняет самоидентификацию персонала из-за разрыва социальных связей, нанося удар по человеческому и социальному капиталам страны /организации одновременно. Прекариат может стать разрушительной силой, если не будет реализована концепция безусловного основного дохода: гарантированного государством денежного довольствия каждому гражданину. Однако, такая гарантия, - путь в дальнейшее потребительство, узаконенный консюмеризм как взаимное паразитирование. Что касается внутренней свободы как осознания себя представителями прекариата реальными участниками социального процесса, обладающими человеческим и, в том числе, социальным капиталом, она не всегда может эти «издержки» перекрыть. Вопрос в том, есть ли у граждан, профессионалов, такая возможность - реального участия? При ее отсутствии и запрете социально-политического творчества, сопровождающего отношения социального служения и партнерство, прекариат – всего лишь форма ужесточения властных отношений.

Поэтому крауд-технологии должны выполнять роль дополнительных: ведущая роль должна принадлежать еще более «трудоемким» интерсубъективным технологиям, при которых каждый раз организуемая заново контактная группа принимает решение по каждой конкретной ситуации, к которой она имеет более или менее непосредственное отношение. Диалог в отличие от монолога как псевдообщения, - общение на уровне действительных мотивов деятельности. Участники коммуникации являются конкретными личностями, индивидуальностями, а не безликими коммуникаторами и реципиентами или «контактами, не просто субъектами деятельности, но и субъектами отношений. Они проявляют себя, открывают себя и друг друга в своих сообщениях и текстах: открыто реализуют себя и свои цели, строят и находят собственные смыслы или стремятся скрыть истинные смыслы и цели своей деятельности, внимательны к целям и смыслам других. В традиционных, монологических моделях, люди игнорируют эти

смыслы и цели в привычном беге «по кругу» упрощающих жизнь и ее смыслы, созданных другими людьми, стереотипов. Они создают из своих отношений бесконечные «тайны», дающие возможность удерживать власть и чувство собственной значимости, «монолитности». Сообщение, однако, - не только передача информации, но событие в жизни людей, событие их со-бытия, оно подразумевает предъявление ими самих себя, слушание – себя и друг друга. При отсутствии выраженного «смыслообразующего» контекста усилий, «смыслов для себя», дающих возможность и определяющих настоятельность, необходимость выбора, он подвергается деиндивидуализации, упрощению и усреднению. Как показывает социально-психологическое исследование этой проблемы, неструктурированные по вертикали группы со свободным обменом информацией при всей внешней хаотичности минимум на порядок эффективнее групп с формальной иерархией и единолично принимающим решение лидером [42; 43].

Еще одним большим «но» крауд-технологий является проблема, связанная с тем, что всеобщая прозрачность и обмен «всех со всеми» приводит к большему или меньшему лишению личной жизни человека приватности. Возникает то, что мы можем назвать «эффектом паноптикума»: «прозрачность» и доступность участников становится проблемой нарушения границ их личностного и социального бытия. Достаточно проанализировать историю идей И.°Бентама, предполагавшего власть «гласности» или власть, основанную на возможности увидеть всё.

И. Бентам стремился создать социальную систему, которая «автоматически» делала людей добродетельными в либерально-гедонистическом, а не христианско-этическом смысле. Это стремление породило идею создания технологии «автоматической выделки» добродетели - «паноптикума»: тюрьмы с прозрачными стенами, в центре которой находятся охранники. Суть этического гедонизма И. Бентама и его последователей отражена в постулате о том, что «что полезно, то и морально». Согласно этому постулату всё, что экономически неэффективно - то не нравственно, и, наоборот, что эффективно - то нравственно. Эта мораль отрицает страдания и ограничения власти («акторов»), но, парадоксально, навлекает страдания и ограничения на людей («исполнителей», «заключенных»). Сама идея «паноптикума» была создана отнюдь не для демократии, но для тотального контроля. Для тоталитарной, репрессивно-контролирующей, власти нужна прозрачность, в том числе, под маской утопии или симуляции демократической гласности. Основная цель паноптикума в том, чтобы перевести

заклоченного / подчиненного в состоянии сознаваемого и постоянного наблюдения за ним, которое обеспечивает автоматическое и непрерывное функционирование власти. Важно сделать так, чтобы надзор был постоянным в своих результатах, даже если само наблюдение осуществляется с перерывами и фрагментарно. Паноптикум создает и поддерживает отношения власти (подчинения ей) независимо от человека, который её отправляет, и независимо от того, в адрес кого она отправляется. По мысли И. Бентама, заключённые / подчиненные должны быть вовлечены в ситуации власти, носителями которой они сами же, по сути, являются. Власть должна быть недоступной для проверки и субъективно постоянной, заключённый / подчиненный всегда должен иметь перед глазами хотя бы её «тень», напоминание о постоянном наблюдении, контроле. Она должна быть недоступной для проверки: заключённый никогда не должен знать, наблюдают ли за ним в тот или иной конкретной момент, но должен быть уверен, что такое наблюдение высоко вероятно и всегда возможно. Паноптикум – «лаборатория власти», которая благодаря асимметрии может эффективно воздействовать на поведение и состояние людей. И. Бентам был намерен сделать зло невозможным: «Необходимо беспрестанно быть на глазах у надзирателя, что на самом деле и будет означать утрату возможностей творить зло и почти полную утрату мысли желать его». Однако, И. Бентам достиг, как и ратовавший за гласность Ж.-Ж. Руссо, обратного: из созданных ими миров никто не может вырваться, «ни те, за кем надзирают, ни те, кто надзирает.» В паноптикуме, где каждый в соответствии с его местом наблюдается всеми остальными или же только некоторыми, возникает механизме полного и кругового недоверия, и, одновременно, «круговой поруки». При этом полностью отсутствует какая-либо безусловная, в том числе, нравственная, точка зрения. Всевидящее Око паноптикума – это не Око Бога. «Совершенство наблюдения – это итог недоброжелательства», а не Божественной Любви, больше «покрывающей», чем наказующей, больше терпящей и дающей свободу, чем «ограничивающей», больше милующей, чем «мстящей», – отмечает М. Фуко [26]

И. Бентам наделил общественное (буржуазное) мнение излишним могуществом, приравнивал его к Богу, полагая, что оно может быть только благом. И. Бентам и Ж.Ж. Руссо полагали, что люди станут добродетельными благодаря тому, что станут доступными этому мнению. Общественное мнение приравнивалось к условию самопроизвольного пересмотра и исправления: человека или социального договора, отношений в обществе. Полагая, что такое мнение имманентно справедливо и нравственно, что оно будет распространяться само собой и

является своеобразным видом демократического наблюдения, они игнорировали социально-экономические и культурно-политические аспекты его формирования и развития [28; 27; 28]. «Око власти» в паноптикуме все же исходит из реальности того, что если власть ведёт себя слишком необузданно, то навлекает на себя опасность вызвать бунты и несогласие. Но если ее вмешательство происходит лишь от случая к случаю, то в промежутках могут развиваться еще более опасные явления сопротивления и непокорности. Паноптикум создан как «недорогой» способ контролировать массы, в том числе, через страх взаимного и неограниченного, тайного и повсеместного, доброжелательного и «экономически правильного» контроля. Однако, вопреки модели, сидящие в тюрьме не пассивны, а «исправительный дискурс» не разворачивается без преград и изменений. Люди сопротивляются как их «переделке», так и идее их возвращения в «оборот производства» («оптимального использования»). Вопреки идеализациям Ж.-Ж. Руссо, «дружественность» прозрачности далеко не прозрачна: отношение дружбы не есть прямой результат «гласности». Тем более, что и гласность не является автоматически взаимной. Идея о том, что власть и безымянна, и всегда оказывается в выигрыше, непродуктивна: есть атаки и контратаки [16; 18]. Поэтому рекламируемые сейчас мальтузианскими правительствами крауд-технологии совсем не так просты, как кажется, и совсем не так продуктивны, поскольку отвечают приоритетам собственного комфорта и благополучия правящей «элиты».

Эти приоритеты – основа распространенной ныне идеологии «экономического гангстера» – готовности руководящих страной, организацией и т.д. максимизировать личную выгоду любым доступным способом. Приоритетность интересов бизнеса, сводящего нравственное к выгодному, готовность пойти на любое преступление ради собственной выгоды, должны быть, сточки зрения эвергетики, переосмыслены. Необходимо развести активность бизнеса, его продуктивную агрессивность как стремление к интенсивному и экстенсивному развитию и социальный каннибализм как готовность уничтожать на своем пути все, что мешает росту доходов, материальной выгоды и власти. Необходимо осмысление социального и человеческого капитала в качестве ведущих компонентов для задач производства, торговли и предпринимательства в целом. Эта задача хорошо показана в «мир-системном анализе», описывающем особенности периода перехода к новому технологическому укладу. Вывод исследователей прост: без трансформации общественных отношений новый технологический уклад невозможен и не нужен. Не будет изменений в отношениях руководящих обществом, государством и

бизнесом к подчиненным – не будет и руководящих: «Мы и в самом деле движемся в направлении другой исторической системы... Потребуется, однако, по меньшей мере, еще пятьдесят лет предсмертного кризиса...» [30, с.14, др.]. Профессионализм и социальное служение в развитии современного общества – две стороны целого. Поддерживая и развивая профессионализм, руководствуясь идеями социального партнерства, общество и государство, предприниматели и потребители могут выступать как партнеры на пути решения актуальных проблем. Они могут совместно принимать «текущие решения» и создавать форсайт-проекты для страны, в которой все ее части – центральные и периферийные – будут работать в гармонии, помогая друг другу развиваться.

Однако, общество и государство придут к этим изменениям через десятилетия потрясений: широко распространенная ныне коррупция привела к деидеологизации общества и разочарованию в демократии. Периодические все более масштабные коррупционные скандалы вызывают у граждан сомнения в своей способности оказывать влияние на процесс принятия в стране политических решений, на свою жизнь вообще. Возникают состояния постоянной усталости и готовности к взрыву: «Усталость гражданина постиндустриального общества недалеко от скрытой забастовки ... именно потому, что оно является активностью (скрытой), оно может внезапно превратиться в открытое восстание» [45, с.233]. Таким образом, «власть толпы» неуклонно преобразуется обратно, во власть отдельных лиц, контролирующих паноптикум. А само общество превращается в огромный электронный концлагерь тотальной слежки, который приводит к кажущейся парадоксальной десоциализации основной части населения (согласившейся контролировать и быть контролируемым ради симулякров «социального партнерства» и «гласности»), а также формированию оппозиции, которую ждет лишь одна участь - полное исключение из сообщества, включая целенаправленное уничтожение потенциально или открыто несогласных. Крауд-технологии, как и любые технологии, могут быть продуктивными при учете того, ради чего и как именно они используются. Вопрос ценностно-смыслового назначения этих технологий - центральный.. Поскольку бюрократический аппарат обычно не дает себе времени и места освоить ту сферу, которой он ловко манипулирует, страна и мир получают сообщество, руководимое частными мнениями необразованных и некомпетентных людей, выдающих себя за «обслуживающий» крауд-технологии персонал. Без технологий интересубъективного управления и трансформации отношений государства, общества и бизнеса в отношении служения и взаимопомощи, без превращения стран в государства-церкви – функционирующие на

основе нравственных, а не только юридических законов, важно, таким образом, учитывать издержки крауд-технологий: использование разработок теории гласности и общества как паноптикума, продемонстрировавших социально- и лично-деформирующий потенциал крауд-технологий, позволяющих осуществлять тотальный контроль населения и превращающих людей в рабов, уничтожая социальный и человеческий капитал. Люди нуждаются в сознании возможностей лоурархии и социального служения, а также реализующих их эвергетические, интересубъективные технологии управления сообществом, позволяющие создать государство-церковь и активизировать личностное развитие граждан, развивать и накапливать социальный и человеческий капитал.

Заключение

Итак, поиски новых форм продуктивного управления обращают внимание практиков и теоретиков на мультиакторные технологии. Среди них выделяются крауд-технологии, основанные на ангажированной компрадорствующей буржуазией модели «умной толпы», и технологии интересубъективного управления, основанные на модели управления сложными системами (эвергетике) В.А. Виттиха и его школы [45]. В отличие от крауд-технологий, имитирующих участие общества в принятии решений, технологии интересубъективного управления являются примером технологий, позволяющих гармонизировать отношения общества и государства, более или менее полно реализовать ценности и цели управления как компонента развития сообществ. Сравнительный анализ стратегий управления позволил выделить эвергетические, псевдоэвергетические и антиэвергетические стратегии, их особенности и возможности в управлении развитием сообществ, сопоставить возможности и ограничения реализующих их моноакторных и мультиакторных технологий.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что концепция эвергетики В.А. Виттиха, при внешней очевидности вопроса о ценностях и целях управления, обладает огромным потенциалом, связанным с ее онтологической направленностью на ревизию традиционных и современных моделей управления, самого понятия управление. Вводя в научное исследование представление о тесной связи ценностей и целей управления с его сущностными характеристиками, В.А. Виттих формулирует новый поворот в осмыслении управления как такового. В эвергетике акторы рассматриваются как «социальные теоретики», совместно вырабатывающие общие знания, умения и принимающие совместные решения, адресованные уникальному объекту – ситуации, в

которой осознают себя, взаимодействуют и развиваются неоднородные акторы. Исследующий управление, при этом, согласно В.А. Виттиху, также становится актором, «утрачивая привилегированную позицию абсолютного наблюдателя и выступая лишь как участник социальной жизни наравне с другими» [46; 47]. В стремлении найти выход, решение проблемы акторы вырабатывают соглашения как intersubjective знания, систематизируют их для принятия коллегиального решения.

References:

- [1] Agafonov, A.Yu. Unconscious overtones of consciousness // On both sides of consciousness /Pod red. A.Y. Agafonova. Samara: SamGu, 2012. 134p. (In Russian).
- [2] Borgest, N.M.. Key terms ontology design: a review, analysis, synthesis // Ontology of design. 2013. №3(9). P.9-32. (In Russian).
- [3] Borgest, N.M. The scientific basis of ontology design // Ontology of design. 2013. №1(7). P.7-25. (In Russian).
- [4] Borgest, N.M., Korovin, M.D. Ontologies: current status, an overview // Ontology of design. 2013. №2(8). P.49-55(In Russian).
- [5] Vittikh, V.A., Moiseeva T.V., Skobelev P.O. A decision on the basis of consensus with the use of multiagent technologies // Ontology of design. 2013. №2(8). P.20-25(In Russian).
- [6] Vittikh, V.A. Prolegomena to energy // Ontology of design. 2015. №2 (5). P.135-148. (In Russian).
- [7] Skobelev, P.O. Ontology of activities for the situational management of enterprises in real time // Ontology of design. 2012. №1(3). P. 6-38. (In Russian).
- [8] Smirnov, P.V. Ontology as a semantic model // Ontology of design. 2013. №2(8). P.12-19. (In Russian).
- [9] Guarino, N. Formal ontology, conceptual analysis and knowledge representation // Int. J. of Human Computer Studies. 1995. V. 43. № 5/6. P. 625-640.
- [10] Kindler, E. Programming languages: Translated from Czech. Moscow: Energoatomizdat, 1985. 288 p.
- [11] Vittikh, V.A. Evergetics Problems // Problems of management.. 2014. №4. P. 69-71. (In Russian).
- [12] Rzevski, G., Skobelev, P. Emergent Intelligence in Large Scale Multi-Agent Systems// International journal of education and information technologies. 2007/ Issue 2, Volume 1. R.64-71.
- [13] Wooldridge, M. An Introduction to MultiAgent Systems. N.-Y.: John Wiley & Sons Ltd, 2002. 366p.

- [14] Vittikh, V.A. Introduction to the theory of intersubjective management. Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2013. 64 p. (In Russian).
- [15] Novikov, D.A. Kibernetika: Cybernetics: the Navigator: a History of Cybernetics, the current state and prospects. M.: LENAND, 2016. 160 p. (In Russian).
- [16] Mancilla, R. Introduction to Sociocybernetics (Part 1): Third Order Cybernetics and a Basic Framework for Society // Journal of Sociocybernetics. 2011. Vol. 42. N 9. P. 35-56.
- [17] Mancilla, R. Introduction to Sociocybernetics (Part 3): Fourth Order Cybernetics // Journal of Sociocybernetics. 2013. Vol. 44. No 11. P. 47-73.
- [18] Koulman, J. Capital social and human // Public Sciences and modernity, 2001. № 3. P. 121-139. (In Russian).
- [19] Reyngold, G. Smart crowd. M.: FAIR PRESS, 2006. 416 p. (In Russian).
- [20] Khau, J. Kraudsorsing. Kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa Crowdsourcing. Collective intelligence as a tool of business development. M.: Al'pina Publisher, 2012. 288 p. (In Russian).
- [21] Akoff L.R. Za predelami sotsializma i kapitalizma. Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh Beyond socialism and capitalism. Management problems in social systems. T.1. / L.R. Akoff. M.: Nauka, 2009. P. 112-140. (In Russian).
- [22] Arpent'eva, M.R. Evergetical strategy and management community development // Proceedings of the XVII International conference "Problems of control and modeling in complex systems" 22-25 iyunya 2015 g., Samara. Samara: IPUSS RAN, 2015. P.174-180. (In Russian).
- [23] Vittikh, V.A. Evolution of ideas of the organization of control processes in society: from Cybernetics to Evergetics // Problems of control and modeling in complex systems // Trudy XVI mezhdunarodnoy konferentsii Proceedings of the XVI international conference. Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2014. P. 13-19 (In Russian).
- [24] Stending, G. Precariat: the new dangerous class. M.: Ad Marginem Press, 2014. 328 p. (In Russian).
- [25] Fisman, R., Migel, E. Economic gangsters. M.: OOO «Yunayted Press», 2012. 302 p. (In Russian).
- [26] Fuko, M. Discipline and punish. M. «Ad Marginem», 1999. 480p. (In Russian).
- [27] Bentham, J. Le Panoptique.- Paris: Belfond, 1977. P. 9-31.
- [28] Semple, J. Bentham's Prison Oxford: Clarendon Press, 1993. 334p.

- [29] Ladyagin Y.P. Russian administrative delight // Problems of theory and management practice. 2005. №3. P.8-15. (In Russian).
- [30] Vallerstayn I. After liberalism. M.: Editorial URSS, 2003. 256 p. (In Russian).
- [31] Lepskiy V.E. Philosophy and methodology of management in the context of the development of scientific rationality // Proceedings of XII All-Russian conference on management problems. M.: IPUSS RAN, 2014. P. 7785 7796. (In Russian).
- [32] Kharitonov, V.A., Alekseev, A.O. The Concept of subject oriented management in social and economic systems // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian University (Journal KubGAU) Electronic resource. Krasnodar: KubGAU, 2015. №05(109). IDA article ID: 1091505043. Rezhim dostupa: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/43.pdf> (In Russian).
- [33] Kenny, V. There's Nothing Like the Real Thing. Revisiting the Need for a Third-Order Cybernetics // Constructivist Foundations. 2009. No 4(2). P. 100 111.
- [34] Umpleby, P.A Brief History of Cybernetics in the United States // Austrian Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 19. N4. P. 28 40.
- [35] Umpleby, P.A The Science of Cybernetics and the Cybernetics of Science // Cybernetics and Systems. 1990. Vol. 21. No. 1. P. 109 121.
- [36] Beni, G., Wang, J. Swarm Intelligence in Cellular Robotic Systems, Proceed // NATO Advanced Workshop on Robots and Biological Systems. Tuscany, Italy, June 26-30, 1989. N.-Y.: NATO, 1989.
- [37] Arpent'eva, M.R. Karpenkova I.V., Nichiporenko N.P. Socio-psychological competence: articles and essays / Pod red. M.R. Arpent'evoy. Kaluga: KGU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2016. 650p. (In Russian).
- [38] Allport G.W. The Nature of Prejudice. N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 537 p.
- [39] Vittikh, V.A. Instrumental and communicative rationality of actors // Problems of control and modeling in complex systems: Proceedings of the XV international conference. Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2013. P..267 273. (In Russian).
- [40] Vittikh, V.A. Heterogeneous Actor and Everyday Life as Key Concepts of Evergetics // Group Decision and Negotiation, November 2015. V. 24, issue 6. –P. 949-956.
- [41] Vittikh, V.A. Phenomenological approach to the theory of management of society // Proceedings of XII All-Russian conference on

- management problems. Rossiya, Moskva, IPU RAN, 16-19 iyunya 2014 g. P. 6182-6186. (In Russian).
- [42] Vittikh, V.A. Situational management from the perspective of postnonclassical science // *Ontology of design*. 2012. №2 (4). P. 7-15. (In Russian).
- [43] Arpent'eva, M.R. Evergeticheskie strategii v upravlenii chelovecheskimi resursami i sotsial'nym razvitiem Evergetical strategies in the management of human resources and social development // *Oil and gas of West Siberia: materials of the int. scientific-technical conf. arr. 90-years. from the day born. A. N. Kosuhina 15-16 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. P.V. Evtin. Tyumen': TGNGU, 2015. T.6. P.27-32. (In Russian).*
- [44] Rozinskaya, N.A., Latov, Y.V. Introduction. The "great transformation" of Karl Polanyi / Pod red. R.M. Nureeva. M.: VShE, 2007. P.11 21. (In Russian).
- [45] Bodriyyar, Zh. Fatigue // *Bodriyyar, Zh. The consumer Society. Its myths and structures. M.: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika, 2006. P. 230-234. (In Russian).*
- [46] Vittikh, V.A. . Introduction to the Theory of Intersubjective Management // *Group Decision and Negotiation.- January 2015. V. 24, issue 1. P. 67-95.*
- [47] Vittikh, V.A. Evolution of ideas on management processes in the society: from cybernetics to evergetics // *Group Decision and Negotiation. September 2015- V. 24, issue 5. -P. 825 832.*